

ПОЧЕМУ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА НЕ ПУСТИЛИ В ЛХАСУ

Новые материалы о Монголо-Тибетской экспедиции
П.К.Козлова

А.И.Андреев

I.

До сих пор принято считать, что научная экспедиция П.К.Козлова в Тибет, планировавшаяся в 1923-26 гг., не состоялась, главным образом, по причине «неблагоприятной международной конъюнктуры» [1]. Более конкретно, вина за ее срыв возлагается на китайское правительство, которое якобы «под давлением Великобритании» не разрешило экспедиции переход по своей территории, как утверждает, например, один из биографов путешественника С.В.Житомирский [2]. Надо сказать, что и сам Козлов в значительной степени разделял подобную точку зрения. Были, однако, как выясняется теперь, и иные обстоятельства, проистекавшие из внутренней советской политической конъюнктуры. Именно они-то и привели к задержанию экспедиции сначала в Петрограде, а затем к ее многомесячному стоянию в Урге, в результате чего Козлову пришлось отказаться от своих первоначальных планов и сосредоточиться на исследовании преимущественно Ургинского района Внешней Монголии. Обращение к секретным архивам Политбюро ЦК КПСС проливает свет на эти загадочные «конъюнктурные» обстоятельства, неизвестные, к несчастью, ни самому путешественнику, ни его современным биографам.

Чтобы понять все случившееся, следует сделать небольшой экскурс в предысторию Козловской экспедиции. Известно, что свое новое большое путешествие в Центральную Азию Петр Кузьмич (далее ПК) рассматривал как «возрождение» несостоявшейся в 1914 г. Монголо-Тибетской экспедиции, снаряженной Русским Географическим Обще-

ством (РГО) практически «на тех же основаниях и с той же программой исследований». Напомним, что в программу эту входило дополнительное обследование Хара-Хото и обстоятельное изучение Тибетского нагорья и бассейнов верхнего течения рек Янцзыцзян (Янцзы), Меконга и Силуэна. Конечным пунктом маршрута должна была стать «запретная» для европейцев Лхаса, посещение которой сулило Козлову третью встречу с «фокусом сил тибетского народа», Далай Ламой (первые две состоялись в 1905 и 1909 гг., соответственно в Урге и в монастыре Гумбум в Восточном Тибете). По сути дела, новое свидание с Далай Ламой и было основным стимулом Тибетской экспедиции, ибо, заручившись поддержкой благоволившего к нему буддийского первосвященника, Козлов, не без основания, рассчитывал получить доступ в наиболее неисследованные уголки центрального Тибета. И хотя в проекте своей экспедиции, составленном 19 августа 1922 г. и вскоре затем поданном на одобрение РГО и Российской Академии наук (РАН), путешественник ничего не говорит о планах посещения Лхасы, всем, кто знал ПК, было очевидно, что главная цель его путешествия не Монголия, а Тибет и его загадочная поднебесная столица Лхаса. Так, в своем путевом дневнике Козлов рассказывает о случайной встрече, происшедшей у него на железнодорожной станции в Тюмени, на пути следования экспедиции в Монголию, с Б.Б.Барадийном, будущим наркомом просвещения Бурятской республики, первыми словами которого были: «Вы, Петр Кузьмич, конечно, едете к Далай Ламе...» [3].

Здесь мы касаемся одной из главных тайн экспедиции, ее политической подоплеки. Известно, что в начале ноября 1922 г. Козлов посетил Наркоминдел в Москве, где имел беседу с заведующим отделом Востока С.И.Духовским. Козлов вручил ему проект предстоящей Монголо-Тибетской экспедиции, который был затем «доложен» заместителю наркома, Л.М.Карахану. ПК, очевидно, также затронул в беседе вопрос о финансировании своего путешествия, о чем свидетельствует обнаруженное в архиве РГО ответное письмо Духовского на имя Козлова, датированное 17 ноября. В этом письме Духовской сообщал, что Карахан, ознакомившись с содержанием доклада Козлова, каких-либо возражений со стороны Наркоминдела (НКВД) к его поездке в Тибет не высказал, однако, выделить на нее средства из наркоматского бюджета отказался [4]. Здесь будет уместным заметить, что Карахан в 1922 г. вместе с некоторыми другими сотрудниками Наркоминдела находился под следствием, обвиненный Рабкрином, проводившим инс-

пекцию хозяйственной части НКИД, в финансовых злоупотреблениях. Этим, по-видимому, и объясняется его отказ Козлову. Любопытно, однако, другое — Козлов принципиально согласовывает свои планы с НКИД не только, и даже не столько потому, что ему необходимо вытребовать через это учреждение китайский паспорт на главных участников экспедиции, о чем он прямо пишет в своем докладе, а потому что знает, что советское дипломатическое ведомство имеет собственные, совершенно определенные виды на Тибет. Так, осенью 1921 г. НКИД совместно с Дальневосточным Секретариатом Коминтерна отправляет в Лхасу через Ургу «секретно-рекогносцировочную экспедицию» для установления первоначальных контактов с Далай Ламой. Экспедицию эту возглавил калмык-большевик, один из организаторов кавалерийских частей в Монгольской народной армии, В.А.Хомутников. Большевистские эмиссары, замаскированные под монгольских буддистов-паломников, еще не успели достигнуть Лхасы, когда в феврале 1922 г. Политбюро отпускает 20 тысяч золотых рублей на вторую Тибетскую экспедицию НКИД, с которой советское правительство связывает особенно большие надежды. Согласно первоначальному сценарию Чичерина-Карахана, она должна была «оформить связи» между Советской Россией и Тибетом путем создания официального Советского представительства в Лхасе [5]. С этой экспедицией предполагалось отправить обученных Наркоминделом специалистов для работы на радиотелеграфе, подаренном Хомутниковым Далай Ламе для установления прямой радио-телеграфной связи между Лхасой и Москвой, а также «ученых-ориентологов» для распространения в Лхасе «правильных взглядов на Советскую Россию» [6].

Миссия Хомутникова вернулась в Москву осенью 1922 г., и именно тогда Козлов и начал усиленно хлопотать о своей научной экспедиции в Тибет. Можно не сомневаться в том, что он был в достаточной степени осведомлен об инициативах Наркоминдела-Коминтерна по завязыванию «дружеских отношений» с Тибетом. Источником информации для него мог служить, например, его старый петербургский знакомец, Хамбо-лама Агван Доржиев, принимавший самое непосредственное участие в подготовке экспедиции Хомутникова. Вероятно, знал ПК и о том, что в конце 1922 г. Доржиев, с одобрения НКИД, «учредил» при Буддийском храме в Петрограде неофициальную Тибетскую миссию. Экспедиция Козлова на этом ее этапе, по-видимому, вполне устраивала Москву, видевшую в ней одно из средств косвенного, не политического позитивного воздействия на верховного правителя

Тибета с целью привлечения его на советскую сторону. Чичерин, под влиянием рассказов Доржиева, был убежден, что Далай Лама, несмотря на его заигрывания с англичанами (что, конечно же, объяснялось «британской интригой» в Тибете!), в душе, как и прежде, тяготеет к России, тем более, что новая, Советская Россия открыто декларировала свою готовность встать на защиту суверенных прав всех угнетенных народов Востока. Зная о бывшей дружбе Козлова с Далай Ламой и некоторыми влиятельными тибетцами из его окружения, такими как Царонг Шапе (в то время главком Тибетской армии и управляющий казначейством), игравший ключевую роль в Лхасском правительстве, Наркоминдел, естественно, стремится использовать это обстоятельство в своих целях. К сожалению, полная недоступность для исследователей тибетских материалов за 1920-30-е гг., имеющихся в Архиве Внешней политики России (АВПР) в Москве, не позволяет нам сделать заключение о том, в какой степени Козлов был посвящен или даже вовлечен в тибетскую интригу большевиков, в частности, ответить на вопрос, не давал ли ему НКИД первоначально какого-либо политического задания. Иначе как объяснить тот факт, что переписка Козлова с НКИД по вопросу о его «чисто научной» экспедиции, возвращенная ученому в ноябре 1922 г. (как о том свидетельствует уже упоминавшееся письмо Духовского), была полностью изъята из архива РГО. Мы также не знаем, каким образом Далай Ламе стало известно о намерении Козлова привести свою экспедицию в Лхасу. Можно, однако, с некоторой уверенностью утверждать, что он был информирован о планах путешественника курьером НКИД, донским калмыком Сандже Бакбушевым, отправленным в Тибет глубокой осенью 1922 г. Бакбушев должен был доставить Далай Ламе письмо Советского правительства, по-видимому, за подписью либо Чичерина, либо его заместителя Карахана, в ответ на его послания, отправленные в Москву с экспедицией Хомутникова. В результате, как известно, Козлову осенью 1923 г. тибетскими представителями в Урге был передан пропуск, который должен был обеспечить ему беспрепятственный въезд в столицу Тибета.

Итак, поначалу все складывалось очень удачно для Козлова. 9 февраля 1923 г. Малый Совнарком (СНК) на своем заседании принимает решение о финансировании его экспедиции из фондов золотой секции Наркомфина [7]. А 27 февраля уже Большой Совнарком постановляет: 1. Признать своевременной и целесообразной (курсив — А.А.) экспедицию РГО в Монголию и Тибет под руководством путешественника

П.К.Козлова сроком на 3 года. 2. Принять расходы экспедиции на средства Правительства [8]. На том же заседании СНК дает поручение НКВД — «рассмотреть совместно с П.К.Козловым вопрос о подарках Далай Ламе и его свите» [9]. Без промедления Козлову отпускают из государственной казны 100 тысяч рублей золотом и еще 4000 золотых рублей сверх того на подарки Далай Ламе [10] — на эти деньги, в основном, была закуплена добротная парча известной московской фирмы Сапожникова, особо ценившаяся в Тибете.

Экспедиция была снаряжена в довольно короткие сроки — менее, чем за 4 месяца, и, по отзыву самого ее начальника, «прекрасно во всех отношениях». Спутников своих Козлову позволили выбрать по собственному усмотрению [11], однако, когда дело дошло до выдачи заграничных паспортов, Москва неожиданно отклонила две кандидатуры — Б.М.Овчинникова и Н.Н.Барсова. «Трудно описать тяжелое состояние чуть не плачущего, нравственно убитого Барсова, — записывает в дневнике Козлов. — Лично мне его очень жаль... По-моему, из Барсова вышел бы хороший спутник, несомненно принесший бы экспедиции значительную пользу» [12]. Случилось это в 20-х числах июня, в то время, когда участники экспедиции полным составом находились в Москве. А затем, почти сразу же после того, как они вернулись в Петроград, откуда экспедиция вскоре (29 июня) намеревалась выступить, произошло нечто совсем из ряда вон выходящее — у всех отобрали только что выданные паспорта якобы «для проверки». Тщетно Козлов обращается за разъяснением в Кремль, к управделами СНК Н.П.Горбунову, играющему роль правительственного куратора экспедиции. Сколько-нибудь вразумительного ответа ему получить не удается.

«Еще более тяжело и томительно потекло начало июля...», — читаем мы в дневнике путешественника. «Моя поездка в Москву, бесконечные переговоры по телефону с Кремлем (Н.П.Г.) и потом из Петрограда с Москвой... Телеграммы в Г.П.У. ... и, наконец, после обстоятельных переговоров с Николаем Петровичем, телеграмма следующая: «Москва. Совнарком. Каменеву... Экспедиция сильно томится, бездействует, несет большие непроизводительные расходы, умоляет разрешить спешно выдать паспорта. Время уходит» [13]. Но в Москве явно не торопятся. Из разговоров с Горбуновым выясняется причина задержки — Центр намерен прикомандировать к экспедиции политкомиссара. «Кого-то мне подсунут помимо моего желания! — раздражается Козлов. — Говорят, бурята... вероятно, коммуниста... и что же он

будет делать в Центральной Азии?» [14]. Наконец, 17 июля из Москвы приходит ответ — выезд экспедиции разрешается; в состав ее вводится правительственный комиссар Даниил Убугунов [15] «вместе с двумя-тремя сотрудниками».

25 июля путешественники трогаются в путь. На границе с Монголией, в Троицкосавске к ним присоединяются новые члены — рекомендованный Доржиевым Шагдур Эрдынеев и партийная тройца — Д.М.Убугунов с женой, К.С.Убугуновой, и Л.Е.Помытов (последний — в качестве переводчика бурятского и монгольского языков). «Присутствие «незваных гостей» расстроило нашу цельную, прекрасную экспедиционную семью. Младшая моя братия приуныла, стала бояться проронить лишнее в дружеской беседе с товарищами слово», — записывает в дневнике Козлов [16]. Но в Урге его поджидают еще большие «непонятные неожиданности». Один из намеченных им спутников из местных, бурят по происхождению, Булат Мухрайн пойти с его экспедицией отговаривается, поскольку Наркоминдел включил его в состав собственной «Тибетской экспедиции». А затем Москва, без каких-либо объяснений, отзывает еще троих участников — С.А.Глаголева, П.С.Савельева и П.М.Саранцева. «Куда направятся мои «забракованные», ни в чем не повинные спутники? — сокрушается Козлов. — Зачем мешают нам планомерно работать?» [17]. За ними через некоторое время последует и четвертый — М.В.Налетный. Но особенно огорчает ПК утрата экспедицией географа-геолога, исполнявшего должность его старшего ученого-помощника, С.А.Глаголева, ведь на него он давно уже привык смотреть, как на своего «достойного будущего последователя». Козлов, правда, пытается по мере возможностей противодействовать невидимым интригам Центра и оставляет на свой страх и риск «забракованных» в Урге, надеясь, что Горбунов, «лучший друг и лучший гений экспедиции», как-нибудь уладит недоразумение и отстоит трех его лучших спутников. На Горбунова фактически вся надежда, ведь «Коленька» (Горбунов) — друг детства супруги Козлова, Е.В.Козловой, также участвующей в экспедиции. К тому же среди участников Тибетского «похода» находится родная сестра Николая Петровича, Елена Петровна Горбунова. А в Москве у Н.П.Горбунова сильные «союзники» — Каменев и Рыков, «очень заинтересованные экспедицией», а потому «ясно, что решение опрометчивым не могло быть» [18]. 29 октября Козлов отправляет очередную депешу в Москву, взывая к Горбунову о помощи, однако его обращение в Центр было лишь

«большим воплем в пустыне». Наркоминдел продолжает властно требовать возвращения в Москву Глаголева, Савельева и Саранцева, и советское полпредство в Урге вынуждено заявить Козлову «энергичный протест» в связи с его нежеланием подчиниться решению Центра.

Очевидно, что Москва умышленно затягивает выступление экспедиции из Урги. В полпредстве же Козлову объясняют задержку тем, что советский представитель в Пекине (Л.М.Карахан) не может добыть для нее китайского паспорта. Неопределенность, абсурдность ситуации приводит ПК в отчаяние. День проходит за днем, а Москва продолжает молчать. «Ужели мы не получим ни от кого ничего. Так наш вопль и остался не услышанным. Для чего же тогда наш посредник в Москве Горбунов? — сокрушается Козлов. — ... И ничего, ничего не выйдет толкового, путного из нашей экспедиции. Как блестяще она началась и какие две раны — мучительные раны — она уже получила на своем пути: одну еще в Петрограде, когда навязали «украшение» ученой экспедиции, другую здесь, в Урге, когда вырвали из ее среды самых нужных, толковых людей». И ниже приписывает — «Рядом с моей экспедицией в Урге имеется налицо готовая к выступлению другая, названная ургинцами «таинственная миссия в страну лам и монастырей...» [19]. Это о наркоминдельской экспедиции в Лхасу, которую должен повести С.С.Борисов, бывший коминтерновец, а ныне сотрудник Восточного отдела НКВД.

И вот уже ударили первые зимние морозы, а Козлов со своим отрядом продолжает стоять в Урге. Не дождавшись ответа от Горбунова, 24 ноября он отбивает телеграмму предсовнаркома Л.Б.Каменеву — «Вторая длительная задержка экспедиции Центром поставила ее в катастрофическое положение: зима, обильный снег, морозы <в> сорок градусов. Вынужденное пребывание экспедиции с 60 верблюдами в дорогом столичном центре вызвало излишние траты. Ввиду этого и сверх сметных расходов отправки отозванных <в> Москву трех спутников испрашиваю пополнение сумм <в> количестве 5000 руб. <в> золотой валюте, каковые прошу перевести телеграфом <в> Ургу <в> представительство для экспедиции» [20]. Эта пятая по счету телеграмма в Москву подписана Козловым совместно с Убугуновым. Через три дня следует ответ Москвы — «В связи с осложнением международных отношений Правительство РСФСР решило временно отложить отъезд Вашей экспедиции, не предвешая сейчас срока нового выступления, который определить пока трудно. Поэтому предлагаем участникам

Вашей экспедиции, кроме сибиряков, выехать в Москву и в Петроград. Сибиряков нужно рассчитать. Груз экспедиции оставить в надежном месте в пределах Советской России под охраной надежного человека. Политкому Убугунову и его сотрудникам сдать мандаты через Вас Полпредству СССР в Монголии и вернуться в распоряжение Иркутского исполкома...» [21]. Это уже настоящая катастрофа — экспедицию Козлова возвращают в Москву! Но затем происходит чудо — Москва отменяет свое первоначальное решение и оставляет Козлова с его спутниками, кроме уже отозванных, на зимовку в Монголии (вероятно, согласившись с доводами упрямого ПК, что возвращение экспедиции потребует непомерно больших расходов). В начале апреля 1924 г. происходит еще одно важное событие — Убугунова, наконец-то, освобождают от его должности — отныне функции политкома экспедиции будет исполнять новый советский полпред в Урге, А.Н.Васильев, против чего Козлов совсем не возражает, ибо Васильев — умный и интеллигентный человек в отличие от «некультурного типа» Убугунова. К тому же он много помогает экспедиции и с ним легко найти общий язык. От Васильева Козлов узнает, что взгляд правительства на его экспедицию не изменился — она должна быть Тибетской и экономить силы, энергию и материальные средства только на путешествие в Тибет и «не втягиваться большими расходами в Монголию» [22]. Это известие не может не радовать ПК, всеми силами рвущегося за пределы Внешней Монголии, «на светлый научный простор Азии». И вместе с тем, его самолюбие ученого должно было быть уязвлено другим известием, которое он, впрочем, не доверяет страницам своего дневника — экспедиция «конкурирующего» с ним Борисова уже вышла из Урги и движется в направлении Тибета! [23].

II.

Борисов и его спутники достигли тибетской столицы 1 августа 1924 года. Лхаса оказалась более доступной для переодетых паломниками эмиссаров советского правительства, нежели для членов научной экспедиции. О том, что происходило в Москве, за спиной Козлова, начиная с лета 1923 г. и кончая серединой весны 1924 г., мы узнаем из небольшой подборки документов в особом «Тибетском деле» Политбюро, находящемся в Архиве Президента РФ. Первый, пожалуй, наиболее важный

из них — письмо А.Мартынова председателю ГПУ Ф.Э.Дзержинскому, по-видимому, переданное ему 22 или 23 июня, уже после того как участники экспедиции Козлова отбыли в Петроград [24]. Вот его содержание:

«Мой секретарь, Евгений Николаевич Шарбе, служащий в издательстве «Красная Новь», в беседе со мной обратил мое внимание на то, что экспедиция, которая отправляется в Тибет под руководством Козлова, организована крайне неосторожно и может иметь очень вредные последствия для Сов.России. Козлов неизбежно должен будет участвовать в этой экспедиции, потому что он один-два раза добился доступа к Далай-Ламе [25], но он является начальником экспедиции и весь состав ее им организован, а между тем, он бывший полковник или подполковник царской службы, настроен весьма по-белогвардейски. Он или члены экспедиции, точно не помню, высказывались, что через 3 года, когда срок экспедиции закончится, в России не будет ни народных комиссаров, ни Сов.власти, и что они сюда не вернуться.

Принимая во внимание, что на экспедицию затрачивается 80 тыс.рублей золотом, что ей придется побывать в районах, находящихся в сфере английского влияния, что члены экспедиции могут использовать деньги, которые им выдаются, не <с>только для того, чтобы производить научные изыскания, сколько для ведения контрреволюционной агитации против России, не без содействия, может быть, англичан — возникает вопрос: не благоразумней ли было бы отказаться от этого дела, или организовать его на совершенно новых началах.

Я Евгению Николаевичу Шарбе сказал, что сведения, которые он мне в случайной беседе сообщил, я сочту своим долгом передать по партийным инстанциям, с чем он, конечно, вполне согласился.

За более подробными сведениями Вы можете обратиться к нему лично.

С ком<мунистическим> приветом,

22 июня 1923

А.Мартынов»

Немедленной реакцией на «сигнал» Мартынова стало отобрание заграничных паспортов у участников экспедиции Козлова, инициированное ИНО ГПУ 24 июня. Правда, остается неясным, по какой причине не были выданы паспорта Овчинникову и Барсову, что, по всей видимости, произошло еще до появления письма Мартынова. Тогда же ГПУ решило,

по согласованию с секретарем ВЦИК А.С.Енукидзе, «отъезд экспедиции в Тибет временно задержать до особого распоряжения» [26].

Через два дня после этого встревоженный шеф ГПУ отправляет докладную записку в Политбюро:

«ГПУ считает необходимым довести до сведения Политбюро, что экспедиция Козлова для научного исследования Монголии и Тибета в ближайшие дни должна отправиться по месту своего назначения, но, принимая во внимание, что состав экспедиции состоит из лиц, чуждых интересам Сов.России, что сам глава этой экспедиции Козлов был связан в конце 21-го года с американским консульством, что Монголия и Тибет находятся под господствующим влиянием Англии, что в этих районах НКВД ведется в течение нескольких лет вполне определенная дипломатическая работа, что подобный состав экспедиции может создать почву для новой очередной провокации английского правительства, которой может быть сорвана работа НКВД, ГПУ просит Политбюро создать особую комиссию, которая бы по существу рассмотрела вопрос о целесообразности посылки в настоящий момент этой экспедиции в Монголию и Тибет» [27].

Кремлевские вожди, очевидно, находились еще под впечатлением недавнего ультиматума лорда Керзона, обвинившего их в антибританской пропаганде в странах Востока, и потому опасались, как бы экспедиция Козлова не «спровоцировала» новый демарш Форин Оффиса. Правда, непонятно, каким образом Дзержинский мог отнести Внешнюю Монголию, где летом 1921 г. произошла «народная революция» и где продолжали дислоцироваться части Красной Армии, к сфере британского влияния. Любопытно также и другое — у ГПУ еще до письма Мартынова имелся «компромат» на Козлова (его контакты с американским консульством), который ему припомнили теперь.

Вопрос об экспедиции Козлова был немедленно включен в повестку дня очередного заседания Политбюро, состоявшегося 27 июня. Предложение Дзержинского принимается без возражений — в особую правительственную комиссию назначают 4-х человек — Л.Б.Каменева, Г.В.Чичерина, Ф.Э.Дзержинского и М.Н.Покровского. Одновременно Политбюро принимает и предложение Сталина — включить в состав экспедиции бурята-коммуниста [28].

Но кто же такой А.Мартынов, письмо которого имело столь пагубные последствия для экспедиции Козлова? Автор берет на себя смелость утверждать, что составителем доноса в ГПУ был Александр

Самойлович Мартынов-Пиккер (1865-1935), биографические сведения о котором читатель без труда найдет в любом издании советской энциклопедии. Профессиональный революционер, один из вождей меньшевизма, он после 1919 г. постепенно переходит на сторону большевиков, с которыми боролся на протяжении полутора десятка лет. Весной 1923 года Мартынов вступает в большевистскую партию. В том же году он приступает к работе в Институте Маркса-Энгельса при ВЦИК в качестве «ученого руководителя истории социалистической мысли в России». С 1924 г. вплоть до самой смерти входит в редакцию печатного органа Коминтерна «Коммунистический Интернационал». В 1920-е годы Мартынов много публикуется в советских периодических изданиях, в том числе в журнале «Красная Новь» (где, например, в 1922-23 гг. появились такие его статьи как «О меньшевизме и большевизме», «О ликвидации меньшевизма в Грузии» и др.). Складывается впечатление, что Мартынов, несмотря на его прошлое, пользуется полным доверием большевиков. Достоверность его информации не подвергается ни малейшему сомнению архиподозрительным Дзержинским, более того, в справке ИНО ГПУ, подготовленной для Политбюро, говорится, что к письму Мартынова «следует отнестись с полным вниманием».

Созданная Политбюро «особая комиссия», однако, не спешит делать свои выводы, обрекая путешественников на бессмысленное «стояние», на этот раз в Урге. Времени даром не теряет лишь Убугунов, пытающийся разузнать у местных жителей как можно больше о предстоящих исследованиях Козлова. С самого начала его отношения с Козловым не складываются, и ему не удается взять экспедицию под свой контроль. А тем временем в ГПУ поступает «информация» от Н.Ю.Касимова (члена РКПб, студента КУТВа — Коммунистического университета трудящихся Востока), одного из спутников Козлова, которая лишь подливает масло в огонь. «...Теперь оказывается, что Козлов держит этого комиссара в черном теле, — раздраженно пишет Чичерин в Политбюро 21 сентября, — а от одного из введенных в экспедицию коммунистов (это о Касимове — А.А.) ГПУ имеет сведения о крайне агрессивных заявлениях некоторых участников. Если экспедиция с таким составом и при совершенном бессилии введенных в нее коммунистов достигнет Лхасы, она может там повести самую бесцеремонную агитацию против Советского правительства и сов. строя и может прямо-таки сорвать нашу монгольскую политику. Ввиду последних сообщений по поводу положения коммун.комиссара и последних сведе-

ний, полученных от ГПУ, надо гораздо серьезнее прежнего отнестись к составу этой экспедиции и, оставив во главе ее Козлова, как исключительно крупную научную величину, заменить его сомнительных сотрудников другими. Без этого наша политика может подвергнуться серьезной опасности» [29]. Полностью разделяя опасения Чичерина, Политбюро на своем заседании от 27 сентября вновь рассматривает вопрос об экспедиции Козлова (внесен Чичериным и зам.председателя ГПУ, В.Р.Менжинским). Принимается решение — «поручить т.Менжинскому с привлечением т.Лапирова-Скобло пересмотреть состав экспедиции в духе обмена мнений» [30]. В результате список 15 первоначальных спутников Козлова ИНО ГПУ направляет на заключение М.Я.Лапирова-Скобло, из которого последний отводит 6 человек — это ранее других «забракованные» Овчинников и Барсов и еще 4 человека — П.С.Савельев, П.М.Саранцев, С.А.Глаголев и М.В.Налетный. Их отзыв Политбюро окончательно утверждает 18 октября [31]. Вместо выбывших Козлов, очевидно, по согласованию с Убугуновым, принимает в экспедицию новых участников — П.П.Телешова, А.У.Бохина, В.А.Гусева, В.П.Пахомова. В начале декабря экспедицию, на этот раз добровольно, покинет еще один ее член — Ш.Эрдынеев, который уйдет с попутным караваном в Лхасу.

В то время как ГПУ в Москве занималось «чисткой» экспедиции Козлова, отсеивая из нее «белогвардейские элементы», в НКВД полным ходом шли приготовления к собственной Тибетской экспедиции. Решение о ее посылке было принято Политбюро 9 августа, однако, у Борисова затем возникли неожиданные трудности в связи с получением на поездку банковского серебра, и ему пришлось задержаться в Москве. В Ургу с членами своей делегации он прибыл около середины сентября и сразу же принялся подыскивать надежный попутный караван, идущий в Лхасу. Находясь в Монгольской столице, начальники двух «Тибетских экспедиций», естественно, не могли не столкнуться друг с другом, ибо вращались в одном и том же около-посольском кругу. Имеется крайне любопытное свидетельство академика Ф.И.Щербатского (побывавшего в Урге с научной командировкой летом 1924 г.) о том, что Козлов «повздорил с «настоящими» членами экспедиции», т.е. сотрудниками Борисова, а скорее всего, с самим Борисовым, возможно, из-за того, чья экспедиция должна выступить в Лхасу первой. Борисов пожаловался Чичерину, в результате чего Москва решила отозвать Козлова из Монголии. Но Козлов, по словам Щербатского, «упросил, чтобы его

оставили, как ширму, во главе «Тибетской экспедиции» и занялся в контакте с Жамцарановым раскопками» [32]. Такая версия событий кажется вполне правдоподобной — решение Москвы отправить в Тибет в экстренном порядке Борисова с его «командой» задевало научное честолюбие Козлова, поскольку наркоминдельцы, помимо политического задания, имели также и довольно обширную «исследовательскую программу», в рамках военной и экономической рекогносцировки Тибета. Таким образом, становится понятной загадочная история с отзывом Козлова из Монголии глубокой осенью 1923 г. Волею обстоятельств, однако, Борисов также застрял на много месяцев в Урге; все это время, как свидетельствуют документы Архива Президента РФ, Чичерин поддерживал с ним регулярную связь по телеграфу, через Советское полпредство. Борисову сообщалась вся наиболее важная информация об экспедиции Козлова. Через Борисова же Чичерин передает Убугунову и специальные инструкции, разработанные НКВД совместно с ГПУ [33]. Ниже приводятся выдержки из этого любопытного документа.

«1. Монголо-Тибетская экспедиция организована научными организациями Республики, имеет исключительно научный характер и целью ее является продолжение работ по изучению Центральной Азии.

2. Никаких политических заданий ни руководителю экспедиции гр.Козлову, ни отдельным ее участникам не дается ни НКВД, ни какими-либо другими органами Республики.

3. Обязанностью политкомиссара при экспедиции должно явиться наблюдение за тем, чтобы со стороны участников экспедиции не проявлялось каких-либо безответственных действий, которые могли бы быть истолкованы за границей как политические выступления официального или полуофициального характера, ответственность за которые в той или иной мере могла бы лечь на Правительство СССР. <...>

в) антианглийская или антикитайская агитация среди монголов и тибетцев в форме призывов их к выступлению против англичан или китайцев со стороны экспедиции не должна допускаться. <...>

ж) особенно осторожными в сношениях с населением и властями необходимо быть на территории Тибета в силу того, что английские империалистические круги настроены в отношении Тибета чрезвычайно внимательно и несомненно будут искать повода, чтобы истолковать факт прибытия в Тибет русской научной экспедиции как проявление антианглийской «большевистской агитации», руководители и члены экспедиции

должны безусловно воздерживаться от каких-либо переговоров и даже просто разговоров на политические темы как с Далай Ламой и его правительством, так и с представителями каких-либо тибетских партий и групп. От посещения Далай Ламы и его министров лучше воздерживаться, идти на свидание с ними только по специальному приглашению с их стороны или в случае крайней необходимости, напр., для ускорения продвижения экспедиции. Если свидания избежать будет нельзя, то необходимо на нем подчеркнуть научный характер экспедиции и ограничиться общей информацией о положении дел в Сов.России, ее мирных взаимоотношениях с другими странами, ее нац<иональной> и религиозной политике в духе предоставления широких прав самоуправления и вероисповедания всем населяющим Республику народам. В случае желая Далай Ламы или членов его правительства вести официальные переговоры на политические темы, должно указать на отсутствие у руководителей экспедиции, имеющей чисто научный характер, каких-либо полномочий от Сов.правительства на этот предмет и рекомендовать им обычный способ сношений через формально уполномоченных лиц.

з) по отношению к живущим в Тибете русским бурятам и калмыкам, к содействию и услугам которых экспедиции неминуемо придется прибегать, должно держаться также осторожно. По нашим сведениям, были случаи использования английскими властями отдельных эмигрантов врангелевцев-калмыков (живших в Константинополе) в качестве антисоветских агитаторов в Тибете путем пересылки в Лхасу по английской почте через Индию их писем с соответствующей «информацией». <...> Кроме того, необходимо считаться с тем обстоятельством, что среди живущих в Лхасе индусов есть также немало английских шпионов, каковые имеются несомненно среди тибетцев».

Как видно из приведенного текста, Москва, давая согласие на заграничную экспедицию Козлова, в то же время стремилась максимально ограничить ее контакты с внешним миром, прежде всего — на территории далекого Тибета (в Монголии контролировать ее было куда проще). Но судьба экспедиции, ее научный успех во многом зависели именно от ее контактов, от постоянного и самого дружеского общения с местными жителями, как простыми тибетцами, так и высокопоставленными чиновниками, в том числе членами правительства и самим Далай Ламой. Этого, очевидно, не понимали, а, возможно, и не могли понять советские вожди, для которых идеологические соображения были превы-

ше всего. Что касается Убугунова, то, получив директивы Центра, он немедленно приступает к их выполнению. В архиве Политбюро сохранились два его «информационных письма», оба на имя Чичерина, датированные соответственно 19 октября и 24 ноября. В первом из них Убугунов сообщал о том, что Козлов самовольно принял в экспедицию тибетца-ламу (очевидно, это «лама Галсан», часто упоминающийся в первых дневниках Козлова — А.А.). Этот тибетец, утверждал Убугунов, нужен Козлову для установления связи с Далай Ламой и получения от него разрешения на въезд в Лхасу. Со своей стороны, Галсан намеревался использовать русскую экспедицию для провоза в Тибет небольшой партии трофейного оружия, закупленного им в Бурятии. Часть этого оружия — 8 винтовок, 1 пулемет, 1 наган и более 1000 патронов Галсан с согласия Козлова, но без ведома Убугунова, вывез из Троицкосавска в Ургу вместе со снаряжением экспедиции. Чтобы выручить оставшиеся 45 винтовок, арестованных на границе консулом Шаховым, тибетец обратился сперва к Убугунову, а затем по его совету к самому консулу, однако, получил отказ. Из дневника Козлова мы узнаем, что ПК пытался выхлопотать для Галсана «бумагу» на хранение и провоз оружия через монгольскую территорию у председателя РВС Монгольской народной армии Э.Д.Ринчино, с которым был в приятельских отношениях. Свое желание помочь Галсану Козлов мотивировал тем, что оружие весьма необходимо тибетцам, прежде всего — Далай Ламе. Более того, по сведениям Убугунова, ПК даже свои два пулемета хотел подарить Далай Ламе. «Мое заявление, что провоз оружия тибетца-ламы и подарок Далай Ламе могут стать материалом для китайских и английских шпионов и что экспедицию могут рассматривать как поставщицу оружия со всеми вытекающими последствиями, не имело пока успеха, — сообщал Убугунов Чичерину. — Конспирацию передачи подарка и отделение тибетца-ламы с оружием от экспедиции провести в восточных условиях и чуждой, незнакомой обстановке трудно. Каждый остался при своем. Думаю действовать через нашего Полпреда т.Юдина...» [34].

Информация Убугунова должна была вызвать немалое беспокойство у Чичерина, поскольку НКВД только что согласовал с РВС СССР вопрос о военной помощи Тибету, включая поставку военной техники, и С.С.Борисову, в частности, было поручено в этой связи сделать конкретные предложения Далай Ламе. Действия же Козлова не увязывались с планами Москвы и бросали тень на большевиков, якобы поощрявших

контрабандную переправку оружия из Бурятии и Монголии в Тибет, широко практиковавшуюся в 20-е годы. С другой стороны, Москва не хотела производить отрицательного впечатления на Далай Ламу, от лица которого действовал Галсан, как он уверял Козлова и официальных советских и монгольских представителей. В результате, после долгих проволочек, тибетцу-ламе разрешили-таки вывезти оружие в Тибет с местным, монгольским караваном (см. об этом запись в Дневнике Козлова от 27 декабря 1925 г.). Письмо Убугунова заканчивалось довольно неожиданной просьбой освободить его от должности политкома экспедиции. Убугунов, очевидно, понимал, что не справляется с порученным ему заданием и не хотел более рисковать своей карьерой. Москве, по-видимому, уже было известно о его желании, поскольку Политбюро на заседании 18 октября (т.е. за день до того, как политком послал свой первый отчет в НКВД), помимо принятия решения об отзыве 6 членов Козловской экспедиции, также рассматривало вопрос о назначении в нее нового политкомиссара. В протоколе этого заседания записано: «поручить тов. Молотову, Уншлихту и Чичерину с привлечением т. Горбунова в недельный срок подыскать и провести назначение комиссара экспедиции, который смог бы фактически экспедицией руководить, дав ему политические полномочия и наименовав его политическим главой экспедиции» [35]. Но замену Убугунову быстро найти не удалось. Прошло несколько месяцев, прежде чем в Москве подыскали подходящую кандидатуру, устраивавшую как НКВД, так и ГПУ. Этим человеком оказался М.Н. Ербанов, председатель СНК Бурреспублики, переговоры с которым велись в январе-феврале 1924 г. во время его визита в Москву [36]. Именно тогда, по сути дела, и решился вопрос — быть или не быть экспедиции Козлова, вернуть ее в Москву или оставить в Монголии. Из дневников Козлова мы узнаем, что спас экспедицию Н.П. Горбунов — во всяком случае, так он впоследствии представил дело ПК и тот, конечно, ему поверил. Однако, скорее всего решающее слово принадлежало Чичерину, посчитавшему, что будет целесообразнее оставить Козлова с его «обновленным» отрядом в Урге, где он едва ли сможет принести большой вред Монгольской политике Советов, особенно если приставить к нему более решительного и, главное, авторитетного политкома, такого, как Михай Николаевич Ербанов (Ербанов и Козлов к тому времени уже были знакомы друг с другом). Назначение Ербанова состоялось, предположительно, 19 марта (или чуть ранее), согласно записке Горбунова в Политбюро, датированной этим числом. Тогда же

было решено пополнить экспедицию, за счет отозванных участников, 5-6-ю коммунистами. Однако затем планы Москвы изменились вновь — Ербанов почему-то не занял место Убугунова, убывшего из Урги в Иркутск 9 апреля, и роль политкома принял на себя А.Н.Васильев, новый советский полпред в Урге. Васильев, разумеется, действовавший не по собственной инициативе, а в соответствии с данными ему инструкциями, заверяет Козлова, что его экспедиция по-прежнему рассматривается правительством как Тибетская, но вопрос о предстоящей поездке Козлова в Тибет, как будто бы уже решенный, все еще висит в воздухе. Политическая конъюнктура момента такова, и это хорошо понимают и Васильев, и Козлов, что никакое научное путешествие в Тибет не возможно до тех пор, пока там находится с ответственной дипломатической миссией С.С.Борисов. И потому Козлову остается терпеливо ждать возвращения Борисова и надеяться на изменение «международной конъюнктуры». И он ждет, с жадностью лоя изредка доходящие до него вести об экспедиции Борисова. Основным источником информации для ПК являются ургинские тибетцы — сотрудники Тибетского посольства в Монголии и Агван Доржиев, фигурирующий как «Полномочный представитель Тибета при НКВД СССР». Увлечшийся раскопками Ноин-Ульских курганов, неожиданно приведшими к сенсационным археологическим находкам, Козлов, однако, ни на минуту не забывает о главной цели своего путешествия, о своей заветной мечте — побывать в запретной Лхасе и, может быть, в последний раз свидеться с Далай Ламой. Осенью 1924 г. через Доржиева он посылает (уже вторично) подарки Далай Ламе и его «ставленнику» Царонгу, которого по старой привычке называет Намганом, — каждому по нагану с «боевыми принадлежностями» и, кроме того, первому — два отреза лучшей «золотой» парчи и несколько драгоценных безделушек.

В конце декабря Козлов срочно выезжает в центр — Ленинград и Москву, чтобы отчитаться об уже проделанной работе и согласовать дальнейший маршрут экспедиции. 8 января 1925 г. СНК СССР образует комиссию для рассмотрения отчетов и планов Монгольской экспедиции под председательством Н.П.Горбунова. Главного вопроса, о все еще планируемом Козловым путешествии в Тибет, она, однако, решить не может. Выступая с заключительным словом на первом ее заседании, состоявшемся в Ленинграде 31 января, Горбунов говорит: «...вопрос относительно подхода к Тибету остался открытым. Здесь нам

невозможно обсуждать этот вопрос. Он требует обсуждения и указаний Наркоминдела. Конечно, придется расширить средства, и если эта работа невозможна, то я думаю, что следует выдвигать работу по Цайдаму, которая требует небольших средств» [37]. Цайдам или Цайдамская равнина, это «близкий подступ к Тибету»; ее южной границей служит хребет Бурхан-Будда, за которым открывается дорога в глубь Тибетского нагорья, к истокам великих азиатских рек и далее на Лхасу. Поэтому Козлов стремится во что бы то ни стало включить Цайдам в план предстоящих двухлетних исследований в Центральной Азии. План этот, одобренный комиссией СНК, выглядел таким образом — первое лето 1925 г. Козлов проведет в Монгольском Алтае, где устроит стационарную базу, а на следующее лето 1926 г. перенесет работы в Восточный Цайдам. Оттуда он рассчитывает двинуться к «заветному югу», до истоков Голубой реки, Янцзыцзян. Вскоре (10 февраля) газета «Известия» опубликовала статью «Достижения Тибетской экспедиции», в которой ПК вкратце обрисовал для советской общественности программу своих дальнейших исследований. Любопытно, что свою экспедицию он упорно продолжает именовать Тибетской, в отличие от совнаркомовской комиссии, уже превратившей ее в Монгольскую.

11 февраля путешественник обсуждает свои проекты в НКВД с Л.Е.Берлиным, референтом по Монголии и Тибету. «Глубоко-вдумчиво мы толковали о первой базе и о второй. В течение лета не может встретиться недоразумений, что же касается до отдаленной базы в Цайдаме, до пути туда, то будучи опытным, надо стараться проникнуть к подножию Бурхан-Будды по возможности скрытно; это во-первых, а во-вторых, следует заблаговременно приискать цайдамских проводников» [38]. Берлин, в принципе, не возражает против поездки Козлова в Цайдам, но за его спиной стоит Чичерин, главный архитектор советско-тибетского сближения. Встреча с ним Козлова состоится 13 февраля, вернее в ночь с 13-го на 14-ое, поскольку страдающий бессонницей Чичерин обычно принимает «своих», советских, только в ночное время. О своей «аудиенции» у наркома ПК рассказывает так: «Наконец я увидел Г.В.Чичерина, познакомился с ним и проговорил о Монголии и Тибете около одного с четвертью часа... В общем я вынес впечатление, что Чичерин очень боится, осторожен в своих действиях и типичный дипломат, себе на уме: «как бы не осложнить международных отношений из-за Монгольской экспедиции». Его доводы вертелись на том, что

китайцы ни за что не захотят согласиться на общение монголов внешних (окрашенных)* с внутренними и под угрозой европейцев, в особенности англичан, никуда не пустят... Поэтому, даже в Хара-Хото не пустят... не только в Цайдам и т.д.» [39].

Удивительно, что Чичерин по сути заранее предрекает неуспех Козловской экспедиции, выдвигая при этом те самые доводы, которые впоследствии лягут в основу официальной версии об отказе китайского правительства выдать путешественнику паспорт «под давлением англичан». От Чичерина Козлов узнает и самые последние тибетские новости — о вражде лам с «военным миром», с Намганом, о «давлении», оказываемом на страну с двух сторон — с одной, восточной, китайцев, захвативших бежавшего из Тибета Гаши-Ламу, с другой, западной, англичан, непосредственно помогающих Далай Ламе. «Из всего этого выходит страшное разногласие — раздор, распри, гражданские козни. Нечего думать о Тибете политическом, даже этнографическом — Лхасе», — резюмирует все сказанное нарком, что практически не оставляет никаких надежд Козлову. В тот же день, встретившись с Горбуновым, огорченный ПК пересказывает ему содержание ночного разговора с Чичериным, и тот соглашается, что «Г.В. очень осторожен и мало решителен» и советует действовать через М.А.Трилиссера, начальника ИНО ГПУ. Но обойти Наркоминдел, Чичерина, ему все равно никак не удастся. У наркома в руках все нити тибетской интриги, и потому никакая поездка в Лхасу или даже ближний, окраинный Тибет, без ведома Чичерина невозможна. «Н.П. предлагает, прежде всего, план экспедиции вручить НКВД — Чичерину, заручиться его визой и только тогда, может быть, надеяться на проведение его в жизнь» [40], — записывает Козлов в дневнике 17 февраля. А уже через день он передает Берлину для Чичерина «план своих намерений, финансовый отчет за прошлое и виды на будущее». Горбунов, со своей стороны, пытается заинтересовать наркома экспедицией Козлова, ее выдающимися научными достижениями, которые, конечно же, не могут не способствовать подъему международного престижа Советской России. И вот, наконец, ПК удастся, как ему кажется, сдвинуть «тяжелый камень дипломатии», лежащий на пути его экспедиции. 21 февраля Берлин конфиденциально сообщает ему, что Чичерин «поручил Карахану убедить Китай выдать пропуск» Козлову [41]. Переговоры в Москве успешно завершаются визитом к Трилиссеру (23 марта), которому ПК подробно «нарисовал» всю картину предстоящего путешествия севернее

* окрашенных, т.е. красных — А.А.

и южнее Цайдама, и новым походом в НКИД для визирования у Чичерина постановления об экспедиции. «В НКИД'е я просидел свыше 3-х часов и добыл право на 25-ый год деятельности; второе право мне будет выслано тотчас после получения положительных данных от Карахана...» [42]. ПК удалось также убедить Чичерина вернуть в экспедицию Глаголева.

Обнадеженный данными ему обещаниями, Козлов возвращается в Ургу. В пути (в Верхнеудинске) он узнает важную новость — Борисов уже вернулся в Ургу из далекого Тибета (сообщает ему об этом сам начальник местного ГПУ Абрамов) [43]. Мы не знаем, когда именно вернулся Борисов, но складывается впечатление, что Чичерин, беседуя с Козловым в Москве, уже знал о результатах его миссии (что в таком случае объясняет необыкновенную осведомленность наркоминдела в Тибетских делах). Понятно, что в Москве этой тайны Козлову не доверили, зато местные власти в Бурятии оказались куда более откровенными. Многие другие любопытные подробности путешествия Борисова и его переговоров с Далай Ламой Козлов узнает от ургинских друзей, в частности, от Доржиева. С последним ПК тут же принимается обсуждать свои тибетские планы и получает конкретные, весьма ценные советы: «С истоков Янцзыцзяна Вам необходимо послать двоих людей из своего отряда — одного бурята-переводчика, другого — цайдамского монгола в столицу Тибета, с письмами к Далай Ламе и его заместителю-наместнику «Лончен-Шокан»... Прежде всего, к последнему, он доложит Далай Ламе, и оба они сообразят, как надо поступить в дальнейшем по отношению к Вашей экспедиции и к Вам лично!» [44]. На следующий день Доржиев приносит Козлову необходимое письмо к тибетскому премьер-министру (лончену). А некоторое время спустя, ПК во время очередного посещения полпреда В.И.Юдина (сменившего Васильева) сталкивается в его кабинете с ламой, которого знает по Петрограду. Он — участник экспедиции Борисова, вернулся из Тибета через Индию морем. Лама поведал Юдину, что Далай Лама отлично знает «нашего Козлова» и много расспрашивал о нем. Военный министр Тибета, также знакомый с Козловым, показывал его карточку; оба ждут его в Тибете [45].

Рассказ ламы, по-видимому, взволновал Козлова до такой степени, что уже через несколько дней, отложив все дела, он на автомобиле отправляется в Пекин, чтобы ускорить получение китайского паспорта. Ведь теперь, когда вернулся Борисов, устранилось, казалось бы,

главное препятствие, по крайней мере с советской стороны, для его путешествия в Тибет. И действительно, в Пекине Карахан заверяет его, что разрешение китайских властей последует в самом ближайшем будущем. Но пройдет еще много месяцев, прежде чем Козлов получит китайские паспорта на 11 участников экспедиции вместе с охранной грамотой — произойдет это только в ноябре 1925 г. Но теперь уже поздно говорить не то что о Тибете, но даже о Цайдаме. Драгоценное время упущено, экспедиция окончательно «увязла» работами в Монголии и далее Хара-Хото двинуться она уже не сможет, несмотря на то что Москва продлит ее срок до 1 октября 1926 г. «Ужели мне не удастся побывать в Тибете, его сердце», — уже потерявший всякую надежду восклицает Козлов. «Я согласился бы поехать туда, даже пожить там, и если нужно, то и умереть там! Но предварительно написав книгу о Тибете, с иллюстрациями...» [46]. ПК втайне еще надеется, что правительство, может быть, даст ему поручение отправиться «в сердце Тибета». Но нет, не даст. В самом конце 1925 г. НКВД приступает, совместно с МИД МНР, к организации новой дипломатической экспедиции в Тибет, что по сути ставило крест на сокровенных планах Козлова.

III.

Последний документ об экспедиции П.К.Козлова в тибетском деле Политбюро — уже упоминавшаяся записка Н.П.Горбунова от 19 марта 1924 г. В дальнейшем вопрос об экспедиции не выносился на суд этой высшей, надправительственной инстанции и, по всей видимости, был решен келейно, членами совнаркомовской «особой» комиссии — Чичериным, Менжинским, Горбуновым. При этом решающее слово должно было оставаться за руководителем НКВД. Авторитет Чичерина среди кремлевских вождей был особенно высоким в середине 20-х, когда Советский Союз, прорвав дипломатическую блокаду, вступил в полосу признаний мировыми державами. В 1924 г. были восстановлены в полном объеме дипломатические отношения с Великобританией и Китаем. В случае с Тибетом, однако, большевиков ожидала неудача — поездка Борисова в Лхасу оказалась безрезультатной. Далай Лама уклонился от вступления в договорные отношения с Советами, высказав сомнения в стабильности большевистского режима. Впрочем, внутренняя ситуация в

«Стране снегов» была еще более нестабильной и сложной в силу давней конфронтации ортодоксальных, ламаистских кругов с «новыми военными» во главе с Царонгом, открыто ориентировавшимися на Британскую Индию (по терминологии Чичерина, в Тибете имел место конфликт между «ламством и англизированной военщиной»). В этой обстановке экспедиция Козлова в Тибет становилась не нужной Москве, поскольку могла помешать или даже повредить тайной работе НКВД в стратегически важном районе Центральной Азии. Но как быть с версией об «английском давлении» на китайское правительство с целью не допустить советских исследователей в Тибет? Имеет ли она под собой какую-либо реальную почву? Известно, что осенью 1927 г. по совету английского политического резидента в Сиккиме Ф.М.Бейли тибетские власти задержали в Нагчу, на подступах к Лхасе, экспедицию русского «американца» Н.К.Рериха, заподозрив его в связях с большевиками. Свидетельствующие об этом документы в британских архивах (в частности, в архиве Индия Офис в Лондоне) доступны для исследователей, однако автору не удалось обнаружить каких-либо документов, указывающих на аналогичную интригу англичан в отношении более ранней тибетской экспедиции Козлова. В целом, давление британской дипломатии на Пекин кажется маловероятным хотя бы потому, что власть центрального (пекинского) правительства распространялась лишь на очень незначительную территорию бывшей Китайской империи, и потому паспорта, формально выданные Пекинским МИДом — Вайчаобу — зачастую игнорировались гражданскими и военными губернаторами удаленных от центра западных провинций. Вот, например, что писал Р.Маклей, английский посланник в Пекине, в своем годовом отчете (за 1923 г.) новому английскому премьеру Рамзею Макдональду:

«В течение этого года различные лица ходатайствовали о получении разрешения путешествовать в Тибете... Известный шведский и русский исследователи, Свен Гедин и Козлов, насколько известно, оба планируют новые экспедиции в Тибет, последний — при поддержке советского правительства... Что касается действительного положения в настоящее время относительно путешествий иностранцев в Тибете, то, в то время как китайские власти не имеют особой заинтересованности в том, чтобы препятствовать иностранным путешественникам в пересечении китайской границы с Тибетом (курсив — А.А.), тибетские власти отказывают всем путешественникам (в разрешении) пересекать их границу с Китайской территории, если только те не имеют особых

рекомендаций правительства Индии» [47]. Однако, как мы знаем, тибетский пропуск (паспорт) был получен Козловым еще осенью 1923 г., и не от местных тибетских представителей в Урге, как это имело место в случае с Рерихом, а из самой Лхасы, где его уже ждали.

В Москве к Пекинскому правительству относились как к марионеточному, опирающемуся на штыки милитаристов Цао-Куня и У-Пей-Фу, получавших поддержку от Англии и США, но формально вели с ним переговоры об установлении дипломатических отношений между двумя странами (эта задача и была возложена на Карахана, находившегося в Пекине с миссией с сентября 1923 года). «В Пекине нет ни президента, ни кабинета, — докладывал в НКВД советский дипломат Я.Х.Давтян, — а есть сколоченное из оставшихся министров «правительство», которое вряд ли можно считать таковым» [48]. Однако, даже если предположить, что Карахан поначалу, действительно, натолкнулся на трудности при запрашивании паспортов для экспедиции Козлова, то они должны были полностью разрешиться после того, как в конце октября 1924 г. (уже после восстановления советско-китайских отношений) генерал Фэн-Юй-Сян, открыто симпатизировавший Советскому Союзу, совершил государственный переворот, захватив власть в Пекине. Не потому ли Козлов без труда сумел договориться о паспортах с Караханом, когда самолично приехал в Пекин весной 1925 г. Дать окончательный ответ на вопрос, виновно ли пекинское правительство, или скорее МИД, в преднамеренном затягивании выдачи паспортов Козлову и его спутникам, мы сможем лишь тогда, когда российский МИД согласится рассекретить свои материалы по Тибету, в частности, документы из личных фондов Г.В.Чичерина и Л.М.Карахана. Доступные же нам документы из других российских источников, прежде всего из Архива Президента РФ, достаточно красноречиво свидетельствуют о совсем иной интриге вокруг экспедиции Козлова, завязанной руководителями НКВД и ГПУ в Москве летом 1923 года.

Примечания

1. П.К.Козлов. Путешествие в Монголию, 1923-1926. Дневники, подготовленные к печати Е.В.Козловой. М., 1949. С. 20.
2. С.В.Житомирский. Исследователь Монголии и Тибета П.К.Козлов. М., 1989. С. 158.
3. Козлов П.К. Дневник Монголо-Тибетской экспедиции (далее просто Дневник) // Архив квартиры-музея П.К.Козлова. № 1-1923, запись от 2 августа 1923, л.5 об.

4. Материалы Монголо-Тибетской экспедиции П.К.Козлова. 1923-1926 гг. // Архив РГО. Ф.18, оп.2, д.107, л.4.
5. Архив Президента РФ, ф.3, оп.65, д.739 (в дальнейшем эта ссылка будет опущена), л.17 (письмо Г.В.Чичерина Сталину от 4 августа 1923) и л.30 (письмо Чичерина Сталину от 18 августа 1923).
6. Архив Президента РФ, л.2.
7. Спутники и заявления желающих участвовать в <Монголо-Тибетской> экспедиции // Архив РГО. Ф.18, оп.2, д.111, л.12.
8. Там же, л.14.
9. Архив РГО, ф.18, оп.2, д.107, л.2.
10. Такая цифра приводится в одном из документов в «тибетском деле» в Архиве Президента РФ — письмо Чичерина Сталину от 5 августа 1923 г., л.21, тогда как сам Козлов в своем Дневнике № 1-1923 сообщает, что правительство отпустило 5000 рублей золотом на приобретение Сапожниковской парчи (л.1).
11. Первоначальный состав экспедиции включал 16 человек — П.К.Козлов, С.А.Глаголев, Н.В.Павлов, Е.В.Козлова, Е.П.Горбунова, Б.М.Овчинников, К.К.Даниленко («Котик»), П.С.Савельев, В.М.Канаев, С.А.Кондратьев, П.М.Саранцев, А.Д.Симуков, Н.Ю.Касимов, М.В.Налетный, Н.Н.Барсов, В.М.Худяков.
12. Дневник № 1-1923, л.6 (запись от 23 июля 1923 г.).
13. Там же, л.2.
14. Там же, л.3.
15. Убугунов, Даниил Михайлович (1897-1938), уроженец Иркутской губ., сын крестьянина-бедняка. В 1921 г. вступил в ВКПб. С середины 1921 года последовательно занимал должности инструктора-организатора тибето-монгольской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна, заводилом управления Бурревкома и зам. председателя исполкома Бурятской автономной области Сибири. По возвращении из экспедиции занимал ряд ответственных партийных и государственных должностей в АССР. Имеется краткая биографическая справка об Убугунове в кн.: Борьба за власть Советов в Бурятии. У.-У., 1967. С. 258-59.
16. Дневник № 1-1923, л.50 об. (запись от 27 октября 1923).
17. Там же, л.51.
18. Там же, л.59 об. (запись от 5 ноября).
19. Там же, лл.63, 67, 68 (записи от 10 и 15 ноября).
20. Там же, л.77.
21. Там же, л.81 (запись от 27 ноября).
22. Там же, л.188 (запись от 9 апреля 1924).
23. Один из участников этой экспедиции, В.Ф.Баханов, вспоминая о ней в конце 70-х («Сквозь империалистическую блокаду» — рукопись, находится у проф.Ю.О.Оглаева, Элиста), утверждал, что она выступила из Урги в конце января 1924 г., однако, есть основания считать, что Борисов вышел из Урги много позднее — либо в самом конце февраля, либо в начале марта. Британская разведка также называет более позднюю дату — начало марта, Public Records Office, London FO 371/10403, л.191 (письмо мининдел правительства Индии британскому ген. консулу в Кашгаре, от 31 мая 1924 г.).

24. Архив Президента РФ, л.13.
25. А.Мартынову, очевидно, не было известно, что дважды с Далай Ламой также встречался Ф.И.Щербатской, в 1905 г. в Урге и в 1911 в Дарджилинге.
26. Архив Президента РФ, л.10.
27. Там же, л.9 (письмо Дзержинского датировано 25 июня 1923).
28. Там же, л.4 (выписка из протокола № 4 заседания Политбюро от 27 июня 1923, пункт 30).
29. Там же, л.33. Касимов, в частности, сообщал в Москву, что «бывш. прапорщик Савельев (сотрудник экспедиции) обещал ее сейчас же после отъезда избавить от ком. элементов».
30. Российский Центр хранения и использования документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.17, оп.3, д.384 (протокол № 36 заседания Политбюро ЦК РКПб от 27 сентября 1923). — Лапиров-Скобло М.Я. (1888-1947), проф., доктор технических наук. Крупный специалист в области электротехники. С 1918 зам. председателя и член коллегии НТО ВСНХ. Принимал участие в разработке плана ГОЭЛРО. В указанное время входил в экспертную комиссию ЦекУБУ при СНК СССР. Не совсем понятно, почему Политбюро поручило именно ему помочь Менжинскому пересмотреть состав экспедиции Козлова.
31. РЦХИДНИ. Ф.17, оп.3, д.388 (протокол заседания Политбюро от 18 октября 1923).
32. Архив СПб ФА РАН. Ф.208, оп.3, д.685, лл.118, 118 об. (письмо Ф.И.Щербатского С.Ф.Ольденбургу от 22 августа 1924 г.); Ц.Жамцарано, бурят по происхождению, старый знакомый Козлова, в то время — глава Учкома Монголии.
33. Архив Президента РФ, лл.21-24.
34. Там же, лл.47-54.
35. РЦХИДНИ. Ф.17, оп.3, д.388 (протокол заседания Политбюро от 18 октября 1923).
36. Архив Президента РФ, лл.55-56 (записка Горбунова об экспедиции Козлова датирована 19 марта 1924).
37. Архив РГО, ф.18, оп.2, д.108, л.154.
38. Дневник № 3-1925, л.505.
39. Там же, л.506 об. — 507.
40. Там же, л.513 об.
41. Там же, л.518 об.
42. Там же, л.546 об.
43. Там же, л.549.
44. Там же, л.551.
45. Там же, л.585 (запись от 8 мая 1925).
46. Дневник № 5-1926, л.928 об. (запись от 3 мая 1926).
47. Public Records Office, FO 371/10291/1924, с.78.
48. См.: Соколов В.В. Полпред в Китае Лев Карахан // Открывая новые страницы... Международные вопросы: события, люди. М., 1989. С. 195.